ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

МАРТЪ 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1912 г.

СТРАН.

I. Исторія одного убійства. (Романъ). Часть вторая. I—VII. (Продолженіе). **И. Я. Павловскаго** 815

II. Страницы изъ моей жизни. IV. (Продолженіе). **А. Е. Егорова.** 851

III. Больные. (Повѣсть). **Л. М. Добронравова** 873

IV. Встрѣчи и знакомства. **А. И. Соколовой** 904

V. Господа Пруссаковы. **С. С. Окрейца** 913

VI. Загадочные документы Гапона. (Изъ личныхъ воспоминаній). **В. М. Грибовскаго** 949

VII. Пыталовская вѣтвь въ 1905 году. (Эпизодъ изъ возстанія въ Прибалтійскомъ краѣ). **Н. Г. Козырева** 962

VIII. Въ голодную годину. (Изъ провинціальныхъ настроеній). **Н. Н. Оглоблина** 976

IX. У недавнихъ побѣдителей. (Ріоюнъ (Портъ-Артуръ). Дайренъ (Дальній). **А. Ивашкевичъ** 992

X. Памяти графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. **Л. Н.** . . 1006

XI. Изъ дѣятельности «апостола» Японіи. **И. Г.** 1016

Иллюстрація: Преосвященный Николай, архіепископъ японскій.

XII. Историкъ и изслѣдователь Кубанскаго края. (По поводу сорокалѣтія научно-литературной дѣятельности Ѳ. А. Щербины). **Б. М. Городецкаго** 1025

Иллюстрація: Ѳедоръ Андреевичъ Щербина.

XIII. На Байкалѣ. **А. Я. Таранца** 1034

Иллюстраціи: 1) Иркутскъ.—2) Входъ въ садъ «Царь-дѣвица».—3) Начало рѣки Ангары. — 4) Село Лиственничное. — 5) Станція Байкалъ (со стороны озера).—6) Заливъ возлѣ рѣки Баранчикъ.—7) Маякъ на станціи Байкалъ.—8) Ледоколъ «Байкалъ» подходитъ къ пристани.

XIV. Изъ жизни археологическихъ учрежденій. **А. А. Миронова.** 1054

XV. Чествованіе Б. Б. Глинскаго. **В. Е. Р.** 1064

XVI. Критика и библіографія. 1076

1) Проф. Н. И. Веселовскій. Татарское вліяніе на посольскій церемоніалъ въ московскій періодъ русской исторіи. Приложеніе къ отчету о состояніи и дѣятельности императорскаго петербургскаго университета. Спб. 1911. Н. И. Ефимова.—2) К. Валишевскій. Дочь Петра Великаго. Елизавета I императрица всероссійская. Съ 72-мя иллюстраціями въ текстѣ и 41-й на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1912. К. Кудряшова.—3) «Хроника моей жизни». Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверского и кашинскаго. Т. IX (и послѣдній). Съ 1891 по 1896 годъ. Спб. 1911. В. А. Лебедева.—4) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества (Основаны барономъ

(См. слѣд. стран.)

СТРАН.

В. Р. Розеномъ). Т. XX. Выпуски II—III. Съ 41 рисункомъ на отдѣльныхъ страницахъ. Спб. 1911. А. Миронова.—5) Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга XI. Съ 4 рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ 3 портрет. и 36 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владиміръ. 1910. Тоже. Книга XII. Съ приложеніемъ 1 плана и 4 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владиміръ. 1911. В. Рудакова.—6) Минцловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1911. М. К—ова.—7) Нашествіе Наполеона. Отечественная война 1912 г. Альбомъ репродукцій въ краскахъ по картинамъ извѣстныхъ художниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ подъ редакціей И. Н. Божерянова. Спб. 1911. Л. Н.—8) Исторія о Путивлѣ, уѣздномъ городѣ Курской губерніи. Составилъ И. Рябининъ. Путивль. 1911. — 9) Терскій сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Терскому календарю» 1911. Вып. седьмой. Н. С. Иваненковъ. Горные чеченцы. Владикавказъ. 1911. Бор. Городецкаго.—10) Отчетъ о дѣятельности орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1908 и 1909 годы. Орелъ 1911. Д. Бочкова.—11) Русское воздухоплаваніе. Исторія и успѣхи. Подъ редакціей В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина при литературномъ участіи: С. Гана, Н. А. Морозова, военнаго инженера полковника В. Ф. Найденова, военнаго инженера подполковника С. А. Нѣмченко, полковника генеральнаго штаба С. И. Одинцова, лейтенанта Г. В. Піотровскаго, инженера-технолога Л. А. Розенцвейга, инженера путей сообщенія Н. А. Рынина, В. Г. Тана, подполковника Н. И. Утѣшева, капитана А. И. Шабскаго и др. Съ многими иллюстраціями. Спб. 1911. М—о.—12) Московское общество народныхъ университетовъ. Статистика. Ея пріемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана. Москва. 1911. Пант.—13) Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и не собранныхъ произведеніяхъ. Составилъ Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Москва. 1911. И. Г—ча. — 14) Собраніе сочиненій С. Н. Кривенко. Съ портретомъ. Спб. 1911. А. Фаресова.—15) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Отсталыя и ненормальныя дѣти, ихъ леченіе и воспитаніе. Спб. 1911 А. Кф.—16) Николай Бердяевъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Москва. 1912. Андрея Сиротинина.—17) Н. Р. Политуръ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1912. Д. А. — 18) Профессоръ атлетики И. В. Лебедевъ, директоръ спб. школы физическаго развитія, бывшій преподаватель с.-петербургскаго университета. Сила и здоровье. Руководство, какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ. Упражненія безъ гантелей и съ гантелями. Съ 202 рисунками и портретомъ автора. Спб. 1911. М—о—19) I. М. Малеинъ. Мои воспоминанія. Съ портретомъ и факсимиле автора Тверь. 1910. В. Р—ва.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1109

1) Новости по археологіи.—2) Кое-что о русской литературѣ.—3) Эволюція романа.—4) Неблагодарность за мирную политику нѣмецкаго императора.

XVIII. Смѣсь. 1122

1) Двухсотлѣтній юбилей 2-го кадетскаго корпуса.—2) Ревнители исторіи.—3) Собраніе географическаго общества.—4) Въ литературномъ фондѣ.—5) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ.— 6) 50-лѣтіе общества психіатровъ — 7) Открытіе педогогическаго института въ Москвѣ. — 8) Юбилей Н. М. Лисовскаго.—9) Юбилей Е. В. Богдановича.—10) Плещеевскій уголокъ.

XIX. Некрологи. 1141

1) Анненскій, М. В. — 2) Гурьевъ, В. П., протоіерей. — 3) Далматовъ, В. П. — 4) Долбня, И. П. — 5) Загоскинъ, Н. П. — 6) Мохначевъ, А. Д. — 7) Реймеръ, Ю. В.—8) Слѣпянъ, С. Н.—9) Степановъ, П. И.—10) Струве, В. Б.

XX. Замѣтки и поправки. 1150

Отъ редакціи.

Приложенія: 1) Портретъ Дмитрія Алексѣевича Милютина.— 2) Докторъ Струэнзе. Историческій романъ Ш. Низе. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. Часть первая. V—VII. Часть вторая. I.

При этой книжкѣ прилагается городскимъ и инороднымъ подписчикамъ объявленіе отъ книгоиздательства А. Ф. Девріена.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НОВОСТИ по археологіи. — Недавно берлинскій музей издалъ отчетъ о раскопкахъ въ Элефантинѣ, гдѣ работали съ большимъ успѣхомъ нѣмецкіе археологи, а также французскіе; послѣдніе съ меньшимъ успѣхомъ. Когда-то во время персидскаго владычества въ Элефантинѣ процвѣтала военная еврейская колонія—своего рода военный поселокъ, впослѣдствіи разрушенная и совершенно забытая. Случайно на мѣсто ея существованія наткнулись фелахи, въ поискахъ за селитрой. При раскопкахъ глины имъ попались первые папирусы, которые открыли ея мѣстонахожденіе. Папирусы написаны на арамейскомъ языкѣ и заключаютъ въ себѣ различныя жалобы, прошенія, рапорты и прочіе офиціальные документы, нотаріальные акты и даже листы изъ произведеній воображенія. Всѣ вмѣстѣ взятые они являютъ проблески жизни, когда-то кипѣвшей въ этой общинѣ. Изъ нихъ археологи узнали, что колонія была основана въ царствованіе Апрія, въ года, слѣдовавшіе за взятіемъ Іерусалима, когда часть народонаселенія, которое Навуходоносоръ оставилъ на мѣстѣ, эмигрировала въ Египетъ, уведя съ собою и пророка Іеремію.

Фараонъ принялъ евреевъ хорошо, но онъ разселилъ ихъ по различнымъ мѣстностямъ территоріи. Часть ихъ онъ отправилъ съ женами и дѣтьми на югъ для защиты береговъ водопада отъ эѳіоповъ. Пограничный армейскій корпусъ состоялъ изъ бандъ различныхъ расъ и былъ порою одинаково опасенъ и для страны, которую защищалъ. Неизвѣстно, участвовали ли евреи вмѣстѣ съ азіатскими и европейскими наемниками въ возмущеніи, произошедшемъ въ началѣ царствованія Амазиса, и съ которыми такъ сурово расплатился генералъ Горусъ. Никакихъ документовъ по этому вопросу не найдено, одно извѣстно,

что евреи вмѣстѣ съ возмутившимися радостно привѣтствовали появленіе персовъ и оставались имъ вѣрны до момента, когда возмутившійся Амиртей положилъ конецъ ихъ господству.

Сохранившіеся документы всѣ относятся къ V вѣку, и самый древній къ эпохѣ Дарія I, 494 до Р. Х., а послѣдній V г. самого Амиртея, около 405 г., *остальные ко времени* Ксеркса, Артаксеркса I и Дарія II. Изъ *этихъ* документовъ видно, что колонія была раздѣлена, какъ и въ день своего основанія, на шесть ротъ, которыми командовали персы или вавилоняне. Главнокомандующій генералъ командовалъ въ Сіенѣ и распоряжался всѣмъ, что относилось до войны, но частными рапортами завѣдывали представители центральной администраціи, городскіе судьи и почетные, засѣдавшіе въ Сіенѣ. Какъ видно изъ документовъ, *на обязанности одного изъ нихъ*, вавилонянина Сахана, находилось примѣненіе къ жителямъ семитическаго происхожденія ихъ національныхъ законовъ. Кромѣ этихъ лицъ, были еще писцы казначейства, писцы нотаріусовъ, писцы фараонской казны, наконецъ многочисленные писцы египетской іерархіи. Неудивительно, что при такой массѣ чиновниковъ и сложной системѣ царило злоупотребленіе и евреямъ порою приходилось страдать отъ взяточничества и алчности этихъ чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе археологамъ показалось, что положеніе евреевъ въ то время было сносное. Правда, браки, заимопродажи и проч. были обставлены безконечными формальностями, но зато современные нотаріусы нашли бы ихъ именно такими, какія должны быть для обезпеченія безопасности заключаемыхъ эти условія. Особенно женщинамъ жилось не худо. Онѣ располагали самостоятельно своимъ личнымъ капиталомъ, вели дѣла лично сами, безъ вмѣшательства мужа. Совершали покупки и продажи, контракты отъ своего имени, однимъ словомъ, во всемъ были равноправны мужчинамъ. Онѣ только не примѣняли къ себѣ названіе «хозяйки дома», какъ египтянки, независимость которыхъ удивляла Геродота, но пользовались полной независимостью. Гарема съ его рабствомъ въ Элефантинѣ не существовало для дочери Израиля, и женщина пользовалась уваженіемъ. Евреевъ среди народонаселенія изъ 18,000 жителей было не болѣе пяти тысячъ, и всѣ они ютились вокругъ крѣпости, стѣны которой впослѣдствіи были срыты до основанія. Дома были низкіе, маленькіе, темные и раздѣлялись на группы узенькими улицами и глухими переулочками. Вообще они мало разнились отъ языческихъ. Ихъ можно было отличить отъ первыхъ только благодаря найденнымъ остракамъ и папирусамъ, въ которыхъ передавалась ихъ исторія. Храмъ Яхвэ (Еговы) или, быть можетъ, вѣрнѣе, Яхо—еще не открытъ. Впрочемъ, археологи отрыли зданіе изъ кирпича, которое, вѣроятно, представляетъ собою означенный храмъ. Изъ документовъ видно, что въ немъ совершались священнодѣйствія и приносились кровавыя жертвы, но все тамъ было не какъ въ іерусалимскомъ храмѣ или въ простой синагогѣ: догматъ единственнаго святилища у нихъ еще не преобладалъ. Ихъ храмы поэтому не отличались отъ египетскихъ и были выстроены изъ сухого кирпича съ каменными колоннами и наличниками, деревянными дверными колодами и съ потолками изъ кедроваго дерева. Храмы были построены главами эмигрантовъ на землѣ, предназначенной Апріемъ, и Камбизъ, желая вознаградить преданность ихъ потомковъ, сохранилъ ихъ въ непри-

косновенности, тогда какъ египетскіе храмы уничтожилъ. Жрецы и поклонники мѣстнаго божества Кнуму съ бараньей головою были, навѣрно, оскорблены такимъ благоволеніемъ къ иноземцамъ, но сдерживали свое недовольство болѣе вѣка. Оно вспыхнуло около 410 г., въ моментъ, когда началось народное движеніе, которое шесть лѣтъ спустя окончилось паденіемъ персидскаго господства. Командующій гарнизономъ, подкупленный языческими жрецами, послалъ людей уничтожить до основанія храмъ Яхо. Тогда евреи облеклись въ траурныя одежды, наложили на себя постъ и молитву, а затѣмъ подали жалобу начальнику Арзамху, а также Іехоканаму, главному священнику въ Іерусалимѣ. Первая ихъ просьба не увѣнчалась успѣхомъ; тогда они обратились къ Багоазу, сатрапу Палестины, и въ 407 г. имъ было дано полное удовлетвореніе. Виновные въ уничтоженіи ихъ храма были наказаны, храмъ вновь выстроенъ, и культъ сталъ совершаться въ прежней торжественностью. Но едва прошло два-три года, Амиртей изгналъ персовъ, и жители принесли ему клятву вѣрности. Очень вѣроятно, что туземцы сдѣлались хозяевами и не замедлили отомстить за неудачу, понесенную въ царствоваіне Дарія II.

Археологи, просматривая папирусы, были поражены той страстностью, съ какой эти евреи говорили о своемъ Яхо. А между тѣмъ изъ другихъ документовъ видно, что они обожали не одного Яхо. За полтора вѣка до этого пророкъ Іеремія жаловался, съ какой легкостью его земляки предавались язычеству. Элефантинскіе евреи не поклонялись туземному богу Кнуму, Сату или египетскому Изису, но они боготворили древнія хананейскія божества и отводили имъ мѣста. Находясь вдали отъ Іерусалима, они лишь очень медленно переносили послѣдствія религіозной революціи, совершавшейся въ этомъ городѣ. Впрочемъ, изъ отрывковъ писемъ видно, что въ 419 г., пятомъ году царствованія Дарія II, нѣкій Хананіа сообщалъ главѣ Іедонію копію съ императорскаго указа, въ которомъ предписывались время и обряды празднованія Пасхи. У Неэми былъ братъ Хэмата, о которомъ говорилось въ письмѣ, и, какъ предполагаютъ археологи, не для примѣненія ли реформъ спѣшилъ онъ въ Египетъ? Неэми долго служилъ въ сузскомъ дворцѣ, и уваженіе, съ какимъ къ нему относился фараонъ, объясняетъ, почему онъ удостоилъ такимъ вниманіемъ соблюденіе точныхъ правилъ чуждой ему религіи. Но все это предположенія. Точно также трудно разгадать, какого рода преобразованія были внесены въ режимъ праздненствъ, за неимѣніемъ хотя бы отрывка ихъ въ Библіи. Единственный отрывокъ съ громадными пробѣлами, дѣйствительно литературный, языческаго происхожденія. Это романъ мудраго Акхикара, визиря Сеннахериба, фараона Ассиріи, котораго уличилъ въ измѣнѣ его пріемный сынъ Надинъ. Эсархадданъ, преемникъ Сеннахериба, приговорилъ его къ смертной казни, но онъ избѣжалъ этой участи, благодаря гуманному отношенію своего палача, и скрывался въ темномъ подземельѣ до той минуты, когда его признали невиннымъ. Тогда онъ снова появился и былъ осыпанъ милостями. Эсархадданъ передалъ въ его руки Надина, но онъ не хотѣлъ его тотчасъ убить, а повелъ къ себѣ во дворецъ и оригинально отомстилъ. Онъ принялся его упрекать за неблагодарность, но не просто словами, а различными поговорками, баснями и въ такомъ количествѣ, что бѣднякъ не вынесъ, «сталъ пухнуть, какъ бурдюкъ, и лопнулъ». Версіи этого

романа находятся въ переводѣ на пятнадцати языкахъ и въ «Тысячѣ и одной ночи», но это подлинникъ, и жаль, что онъ найденъ въ такомъ плачевномъ состоянiи.

Элефантинскiе евреи совершенно не походили на своихъ сородичей, жившихъ по берегу Евфрата, всегда нывшихъ и недовольныхъ, какими ихъ рисовалъ въ своихъ проповѣдяхъ Iезекiиль. Напротивъ, элефантинскiе евреи отличались дѣятельностью, довольствомъ; признательные своему Богу, они были привязаны къ нему до конца, не надоѣдали ему жалобами о потерянномъ Iерусалимѣ, а устроили собственное святилище и продолжали свой культъ. Чужеземцы иной религiи, чѣмъ мѣстные жители, говорившiе на другомъ языкѣ, они могли имѣть тысячу причинъ для жалобъ и ссоръ съ язычниками, тѣмъ болѣе, что между военными и гражданскими представителями всегда замѣшивается презрительное отношенiе. Поэтому мщенiе туземцевъ выражалось бурно, какъ, напримѣръ, уничтоженiе храма и прочее. Имъ было поручено защищать Θеваиды, однако они никогда не вступали въ крупную войну, но не проходило года, чтобы эти маленькiя дивизiи не попадали въ схватки. Случалось, что часть эθiоповъ угрожала границѣ и однажды неожиданно напала на предмѣстье Ассуана, ограбивъ деревню. Евреямъ приходилось спѣшно, съ оружiемъ въ рукахъ заставить ихъ отступить или увлечь ихъ въ пустыню, чтобы освободить поселянъ и скотъ. Каждый разъ послѣ такихъ стычекъ на перекличкѣ не хватало нѣсколькихъ человѣкъ, но эта потеря такъ быстро заполнялась рожденiемъ новыхъ защитниковъ, что въ концѣ V вѣка колонiя вполнѣ процвѣтала. Однако почему-то черезъ сто лѣтъ при Птоломеяхъ отъ нея не осталось слѣда.

Профессоръ Сорбонны Жюль Марта сдѣлалъ докладъ въ парижской академiи надписей относительно этрусскаго языка. До сихъ поръ для археологовъ этотъ языкъ былъ загадочный, и добытые въ большомъ количествѣ тексты оставались непонятыми. Теперь, наконецъ, эту загадку разрѣшилъ профессоръ Марта и далъ ключъ къ этрусскому языку. Онъ говоритъ, что этрусскiй языкъ родственный финскому, венгерскому и близкимъ имъ нарѣчiямъ. Основываясь на словаряхъ и грамматикѣ этихъ языковъ, онъ добился послѣдовательнаго перевода этрусскихъ текстовъ, которые анализировалъ и комментировалъ. Такимъ образомъ, ключъ къ этрусскому языку теперь нашелся, и археологамъ предстоитъ работать надъ этрусскими документами.

Кое-что о русской литературѣ.—Въ иностранныхъ журналахъ все чаще отводятъ мѣсто для Россiи и въ литературномъ, а также драматическомъ обозрѣнiяхъ внимательно слѣдятъ за теченiемъ современной русской литературы. Итальянскiй обозрѣватель Джустино Ферри въ январскомъ театральномъ обозрѣнiи «Nuova Antologia» касается Льва Николаевича Толстого.

Еще Викторъ Гюго, различая три главныя эпохи во всеобщей исторiи: перiодъ примитивный, когда царствовалъ лиризмъ, перiодъ античный, или эпопея трiумфа, и перiодъ современный, перiодъ драмы,—указалъ, что въ примитивный была Библiя, въ античномъ—Гомеръ, а въ современномъ—Шекспиръ. И Шекспира, эту современную библiю, раскритиковали Л. Н. Толстой и Шоу, но съ этой смѣлой критикой никакъ не соглашается Ферри. Со страстностью, свойственной южанину, въ своей статьѣ «Шекспирофилiя и антишекспи-

ріана» онъ пытается выяснить искренность этой критики, а затѣмъ переходитъ къ критикѣ произведеній Толстого.

Ферри высказываетъ, что хотя Толстой не любилъ Шекспира, но его тянуло къ нему, и это тяготѣніе отразилось на его главныхъ произведеніяхъ: «Война и миръ» и «Анна Каренина». «Въ XIX вѣкѣ и въ началѣ XX у Шекспира были два противника,—говоритъ Ферри:—эти два противника—великій художникъ и оригинальный геній-писатель: одинъ русскій, другой—англичанинъ. Оба они апостолы своего собственнаго евангелія—парадоксальнаго, гуманитарнаго и отчасти непослѣдовательнаго. И тотъ и другой, съ нѣкоторой наиболѣе удачной стороны своей мысли, смогли болѣе или менѣе приблизиться къ творческой силѣ поэта, создавшаго «Короля Лира», и къ способности создателя Яго и Фальстафа изображать человѣческія страсти». Допустивъ, что «странная» антипатія Толстого и Шоу къ Шекспиру доказана и ее болѣе не объясняютъ фанатизмомъ ради софистическихъ правилъ итальянскихъ и французскихъ классиковъ, Ферри замѣчаетъ, что такіе феноменальные контрасты, какъ явное отвращеніе и тайная симпатія, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это думаютъ, и такихъ людей всю жизнь тянетъ къ дѣлу и къ людямъ, противъ которыхъ они же возстаютъ. Ренанъ признавался, что нерѣдко въ спорѣ онъ по большей части раздѣлялъ мнѣніе своего противника. Каролина Австрійская, королева Неаполя, ненавидѣла Наполеона и въ то же время пламенно имъ восхищалась. Такимъ образомъ, изъ словъ Ферри можно заключить, что онъ предполагаетъ въ душѣ Толстого такія же два чувства къ Шекспиру. Но была ли искренна антипатія Толстого и Шоу къ Шекспиру?—спрашиваетъ Ферри. Въ теоретическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ встрѣчаются болѣе рѣзкія выраженія, чѣмъ въ невозмутимомъ изложеніи спокойныхъ мыслей. Во время схватки непріятелей, говоритъ Ферри, трудно подражать церемонной ненависти нѣкоторыхъ героевъ Иліады, убивавшихъ другъ друга послѣ взаимнаго обмѣна рыцарскими любезностями.

Впрочемъ, Ферри при оцѣнкѣ «Живого трупа» не руководствуется своимъ недовольствомъ критикою Толстого на Шекспира. Если отвращеніе Толстого и Шоу результатъ истинной неспособности понимать, то дѣйствительная цѣнность «Живого Трупа» отъ этого не измѣнится. Для него же, Ферри, вопросъ о Шекспирѣ ясенъ, и онъ желалъ бы, чтобъ болѣе авторитетный изслѣдователь далъ лучшій отвѣтъ, чѣмъ онъ. Въ своихъ разнообразныхъ исполинскихъ сочиненіяхъ, приближаясь ли къ дѣятельности, или паря въ самомъ смѣломъ, головокружительномъ полетѣ фантазіи, Шекспиръ является намъ настоящей противоположностью доктринера, систематическаго и отвлеченнаго перестраивателя жизни. Никто глубже его не проникалъ въ душевное горе; никто болѣе его не сдѣлался ясновидящимъ врачомъ, клиникой моральныхъ болѣзней человѣчества. Эта клиника посредствомъ чудесныхъ ясновидѣній, согласно недавней англійской критикѣ, открывала органическія слабости, которыми природа заставляла его жестоко расплачиваться за дарованный геній. Но именно чрезъ это, чрезъ близкое и мучительное знаніе незримо окружавшаго его непоправимаго зла, присуждающаго человѣка, небезропотно подчиняющагося самымъ суровымъ условіямъ жизни,—никакой поэтъ, никакой художникъ не вѣрилъ менѣе Шекспира въ теоретическую панацею утопіи».

Для Ферри врачъ моральныхъ страданій человѣчества—Шекспиръ, остальные—апостолы, утописты, миссіонеры, которые нуждались, чтобы повѣрили въ дѣйствительность ихъ филантропическихъ рецептовъ, ненавидятъ и боятся неумолимой клиники, которую горькая премудрость не допускаетъ до иллюзій, относительно эмпирическихъ снадобій оптимистической фармакопеи. Непротивленіе или пассивное сопротивленіе Толстого, его обновленное христіанство, имперіалистскій соціализмъ Шоу, вегетаризмъ того и другого—сдѣлались, по его словамъ, палліативами противъ неизлеченныхъ болѣзней человѣчества, у котораго Шекспиръ лечилъ Отелло отъ смертоносной ревности, Гамлета отъ тяжкихъ сомнѣній и Макбета отъ рокового честолюбія. Если Л. Толстой, говоритъ Ферри, отрицаетъ геній Шекспира, который отразился въ его главныхъ сочиненіяхъ—«Война и миръ» и «Анна Каренина», то Шоу заимствовалъ комическій элементъ, однако комизмъ Шекспира не поверхностный, не игра внѣшнихъ противорѣчій, а сама божественная психологія; но Шоу далъ фигуру Морреля—мучительно пустую. Во избѣжаніе недоразумѣній,—оговаривается Ферри,—позволю себѣ выяснить, что, кромѣ непочтенія къ гиганту современнаго театра, кромѣ этой позорной богохульной клеветы, этой дерзкой хулы, я не вижу никакого сходства между яснополянскимъ отшельникомъ и ораторомъ популярныхъ лондонскихъ собраній и тѣмъ менѣе между его посмертнымъ твореніемъ «Живымъ трупомъ» и «Candida»—Шоу.

Ферри, такъ сказать, критически анатомируя «Живой трупъ», упоминаетъ, что своевременно высказывалъ свое мнѣніе объ авторѣ по поводу «Власти тьмы». Онъ отмѣтилъ и «архаическую, блаженную неопытность, наивное счастливое незнаніе искусныхъ утонченностей, какія находятся у авторовъ подлинныхъ мистерій. Намѣченная грубыми штрихами, она окрашена въ густыя краски отвратительныхъ оттѣнковъ. Сцены чередуются безъ всякой программы, композиціи, безъ зазрѣнія совѣсти нарушая норму театральной перспективы. Персонажи говорятъ прямо съ публикой, замѣчаетъ Ферри, высказывая въ монологахъ мысли и чувства, которыя не должны слышать его сосѣди или домашніе, нарушая этимъ внѣшнее прадоподобіе, которое мы привыкли строго соблюдать въ драмѣ и комедіи—все это придаетъ ей внѣшній реализмъ. Пороки, алчность къ деньгамъ, суевѣріе, озвѣрѣніе плебея, который не знаетъ болѣе удержу въ низменныхъ страстяхъ и инстинктивной жестокости—вотъ сущность драмы во «Власти тьмы», говоритъ Ферри. Грубая отдѣлка соотвѣтствуетъ спеціальной цѣли драмы, настоящей драмы народнаго театра, но подъ этимъ скрывается глубокое изслѣдованіе. Въ «Живомъ трупѣ» мы поднимаемся ступенями выше по іерархической лѣстницѣ. Во «Власти тьмы» моральное поученіе въ простыхъ словахъ старика Акима, въ «Живомъ трупѣ» урокъ философа исходитъ отъ Ѳеди, алкоголика, безнравственнаго, но благороднаго и великодушнаго въ своемъ развращеніи человѣчка съ яснымъ умомъ и душою, стремящагося къ добру, но безвольнаго.

Производя буквально критическую анатомію технической стороны пьесы, Ферри нашелъ ее «первобытной и нетерпѣливой, какъ будто мозгъ великаго романиста уже усталъ и его усилія держались недолго. Между тѣмъ у него было желаніе создавать, создавать еще, создавать всегда, но у созданій получилось

дыханіе прерывистое и задыхающееся. Казалось, они остаются на сценѣ неохотно и спѣшатъ оттуда уйти. Приходятъ и уходятъ, будто фигуры кинематографа, *какъ приговоренныя къ безсрочному наказанію—вѣчному движенію»*. Пьеса, по мнѣнію Ферри, страшно растянута, но тѣмъ не менѣе драма сильна и жизненна. У Ѳеди, жертвы нравственной слабости, милліоны братьевъ въ современномъ обществѣ всѣхъ европейскихъ странъ. Хотя Ферри такъ строго критикуетъ «Живой трупъ», но тѣмъ не менѣе онъ выразилъ удовольствіе, что ему наконецъ опять приходится писать о драмѣ Толстого — слишкомъ ўже много приходится писать о поверхностныхъ французскихъ пьесахъ.

Въ то время, какъ Ферри настаиваетъ на вліяніи Шекспира на Л. Толстого, французскій обозрѣватель литературы въ «Revue» Берто находитъ въ произведеніяхъ французскаго романиста Ромэна Роллана сильное вліяніе Толстого. Это вліяніе особенно выразилось въ недавно вышедшемъ романѣ «La buisson ardent», дополняющемъ серію «Jean-Cristophe». Вотъ что говоритъ Берто: «Съ литературной точки зрѣнія, очевидно, надо думать о «манерѣ Толстого», Толстого «Анны Карениной» и особенно «Войны и мира», Толстого, имѣвшаго такое большое вліяніе на Ромэна Роллана и также отличавшагося въ этихъ своихъ картинахъ цѣлымъ обществомъ многочисленныхъ дѣйствующихъ лицъ. Къ тому же упорный реализмъ, которымъ отмѣчены произведенія, составляющія «Jean-Cristophe», прекрасно могъ быть русскаго происхожденія,

Въ отдѣлѣ литературнаго обозрѣнія журнала «La Revue» Л. Вернонъ даетъ краткій отчетъ о положеніи современной литературы въ Россіи послѣ освободительнаго движенія. По его словамъ, часто въ русской литературѣ отчаяніе предъ тщетными усиленными попытками... слѣдовало за возмущеніемъ и протестомъ. Однако послѣдній кризисъ тянулся слишкомъ долго, и подавляющій пессимизмъ составляетъ основу литературныхъ произведеній послѣдняго времени. И такое настроеніе проявлялось какъ у писателей, такъ у критиковъ и публики. Только въ самое послѣднее время умы утомились бродить въ потемкахъ и, повидимому, проглянулъ прогрессъ, но все еще не добились полнаго возстановленія коллективной и индивидуальной энергіи.

Въ эту тревожную эпоху небольшая группа писателей ускользнула отъ господствовавшаго настроенія въ болѣе безмятежную атмосферу. Среди этихъ писателей самое видное мѣсто занимаетъ Борисъ Зайцевъ. Короткими штрихами Л. Вернонъ начерталъ эволюцію его таланта, совершившаго два этапа. Первый— таинственный рокъ, тяготѣвшій надъ судьбою міра, который велъ все по своему закону; второй этапъ (когда появилась вторая серія его сказокъ въ 1900 году) вѣчная красота природы и продолженіе жизни, оживляющей ее. И въ то же время все ему говорило, насколько тѣсны узы, привязывающія его къ міровой жизни. Сумѣвъ захватить чудную гармонію, онъ пріобрѣлъ понятіе о вещахъ, далекое отъ первоначальнаго пессимизма. Какія бы испытанія ни переносили его герои, они теперь научились не сгибаться подъ тяжестью испытаній. Пессимизмъ смѣнила настоящая любовь, а черезъ нее способность все понимать, все прощать.

Въ драматической области первая попытка Зайцева дала меньше, чѣмъ можно было ожидать отъ его таланта. Но затѣмъ онъ въ большой мѣрѣ сумѣлъ побѣдить трудности драматической формы. Его романъ «Ланины» весь проникнутъ

прелестью, свойственной перу этого писателя. Здѣсь жизнь является громаднымъ гимномъ любви. Раздѣляемая или нѣтъ, счастливая или обманутая, она существенный элементъ и преподаетъ человѣку истинный смыслъ жизни. Въ заключеніе Вернонъ говоритъ, что Зайцевъ вноситъ благотворную поддержку тому, кто задыхается въ потемкахъ, куда его часто заводятъ современные писатели. Другія свѣтила зажигаются, говоритъ Вернонъ, стараясь разсѣять эту ночь: удастся ли имъ это? Вторымъ свѣтиломъ является Сивачевъ, авторъ «Прокрустова ложа», одной изъ самыхъ интересныхъ книгъ этого сезона. «Поспѣшимъ прибавить,—говоритъ Вернонъ:—что интересъ, возбуждаемый его сочиненіемъ, въ дѣйствительности обязанъ не его литературнымъ достоинствамъ. Но эти наивныя, искреннія, безнадежныя страницы, часто трогательныя, бросаютъ живой свѣтъ на нѣкоторыя стороны русской жизни». Когда-то было прекрасной традиціей ходить въ народъ и брататься съ нимъ. Каковы бы ни были результаты этого движенія, сдѣлавшагося болѣе настойчивымъ въ 1870 году, но оно было внушено любовью къ народной массѣ и много было героевъ и ревнителей, но теперь съ развитіемъ образованія народъ въ Россіи, какъ на всемъ свѣтѣ, въ свою очередь, пытается занять мѣсто среди интеллигенціи. Литература болѣе, чѣмъ другія независимыя карьеры, является мечтою честолюбиваго пролетарія. Въ этомъ кроются двѣ причины: съ одной стороны, пролетаріи гипнотизированы блестящей славой Чехова и Горькаго; а съ другой—и тѣмъ, что призванія и предполагаемаго таланта совершенно достаточно для успѣха въ литературѣ. Не удивительно, поэтому, что на каждомъ шагу имъ встрѣчаются разочарованія. Но особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ ихъ горькіе упреки и обвиненія той самой интеллигенціи, ряды которой они хотятъ увеличить. Они забываютъ, что часто они не выполняютъ требуемыхъ условій, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ имъ недостаетъ подготовки, и потому приписываютъ свои пораженія и неуспѣхъ недоброжелательству среды, съ которой они соприкасаются.

Сивачевъ также сынъ народа и его также неотразимо влечетъ къ литературѣ. Но прежде, чѣмъ достичь желательнаго успѣха, проходятъ цѣлые года, печальные и полные лишеній. Въ этомъ своемъ сочиненіи Сивачевъ разсказываетъ пережитое и съ такой искренностью, что часто читателя охватываетъ глубокій ужасъ. Но зачѣмъ это возмущеніе противъ интеллектуальныхъ людей? спрашиваетъ Вернонъ; быть можетъ, въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ, они заслуживаютъ иного отношенія. Горе не всегда разсуждаетъ, и Сивачевъ, въ которомъ чувствуется честная наутра, въ предисловіи предупреждаетъ, что часто онъ становится на «исключительную точку зрѣнія». Къ несчастью, его книга отражаетъ очень распространенное и типичное состояніе ума.

Другого рода писатель—графъ Алексѣй Толстой, однофамилецъ великаго писателя, выступившій въ «Шиповникѣ» съ «Двумя жизнями». Его первая проба пера еще совсѣмъ недавно появилась, и онъ предпочитаетъ описывать жизнь помѣщиковъ, прозябающихъ въ ужасныхъ пустыняхъ русской деревни. Она именно такой представлена въ появившемся его сочиненіи, населенная существами, вполнѣ неспособными примѣниться къ условіямъ современной жизни и которыя будто сошли съ другой планеты, настолько они чужды всѣмъ теченіямъ эпохи и настолько они не знаютъ всѣхъ стремленій. «Впрочемъ, прибавимъ,—го-

ворить авторъ:—большинство, уже давно порвавшее съ подобнымъ существованіемъ, представляетъ въ романѣ другую жизнь, ничего не имѣющую для насъ привлекательнаго; суевѣрные, они проводятъ свои дни въ безплодномъ волненіи». Несмотря на высказанное мнѣніе, Вернонъ, однако, признаетъ за авторомъ сильный талантъ и уже увѣренный. Его романы изобилуютъ выразительными картинами и часто набросанными съ большимъ искусствомъ. «Сколько бы авторъ выигралъ,—говоритъ въ заключеніе Вернонъ:—если бы захотѣлъ глубже проникнуть въ наблюдаемыя явленія».

Свой обзоръ Вернонъ заканчиваетъ двумя сборниками—«Сѣверные Цвѣты» и «Антологія». Онъ отмѣчаетъ въ послѣднихъ вышедшихъ книжкахъ отсутствіе наиболѣе знаменитыхъ писателей, какъ Блокъ, Ивановъ, Мережковскій, и это явленіе, по его мнѣнію, можетъ показаться желательнымъ. «Дѣйствительно, преданные искусству для искусства, основавшіе эту группу,—говоритъ Вернонъ,—они мало-по малу заключили свои произведенія въ слишкомъ узкую рамку и, теряя всякое соприкосновеніе съ дѣйствительностью, кончили тѣмъ, что даютъ произведенія драгоцѣнной чеканки, часто выказывая громадную эрудицію, но холодную, далекую и отъ этого лишенную болѣе глубокаго интереса. Но вотъ молодое поколѣніе, повидимому, хочетъ повторить ошибку своихъ предшественниковъ. Тридцать авторовъ, представленныхъ въ «Антологіи», почти всѣ въ высшей степени обладаютъ наукой изысканной риѳмировки и рѣдкимъ ритмомъ; ихъ стихъ прельщаетъ кристальной ясностью, наконецъ, большинство поэмъ носятъ отпечатокъ неоспоримаго таланта; но ихъ авторы, занятые воспѣваніемъ настроенія своей души и ея эмоцій, часто отступаютъ отъ жизни, какъ это дѣлаютъ модернисты, думая только парить надъ нею, между тѣмъ ихъ старшіе должны бы послужить имъ примѣромъ.

— Эволюція романа.—Въ области литературы происходитъ незамѣтная эволюція. Прежнее вдохновенное творчество въ настоящее время подвергается пересмотру, и самый механизмъ творчества стараются подчинить законамъ. Еще въ прошедшемъ году «Vestminster Gazette» вела запросъ среди писателей съ цѣлью выяснить: какова должна быть длина хорошаго романа? Однако результатъ этого запроса оказался неутѣшительный. Большинство романистовъ приняли это въ шутливомъ тонѣ и отвѣты давали или неучтивые, или уклончивые.

Теперь романистъ Wells задался цѣлью составить теорію, которою могъ бы руководиться романистъ при созданіи романа. Этотъ вопросъ онъ подробно разсматриваетъ въ «Atlantic Monthly». «Обстоятельства,—говоритъ онъ:—не разъ доводили меня до размышленія о ремеслѣ романиста, о томъ, что онъ такое и чѣмъ онъ можетъ быть. Я считаю, что романъ призванъ играть очень важную роль и дѣйствительно необходимую въ сложной системѣ современной цивилизаціи. По моему мнѣнію, современный романъ долженъ имѣть высокія и широкія требованія. Я думаю, что со многихъ точекъ зрѣнія мы не можемъ обойтись безъ него».

Высказавъ свой взглядъ, Wells направляетъ стрѣлы на извѣстный разрядъ романистовъ-увеселителей и на ихъ теорію «усталаго исполина». Такого рода романисты составили себѣ мнѣніе, что читатель романовъ нѣчто въ родѣ титана,

проведшаго весь день за поднятіемъ горъ, за выполненіемъ исполинскихъ задачъ, сравнительно съ которыми работа Геркулеса—дѣтская игра. Такой герой работалъ въ своемъ бюро съ десяти часовъ утра до четырехъ, съ несчастной двухчасовой передышкой, чтобъ пройтись въ свой клубъ и позавтракать тамъ; или онъ утомляется за игрою въ гольфъ, за рыбной ловлей; или взялъ на себя трудъ два-три раза голосовать въ палатѣ общинъ; или онъ долженъ оспаривать извѣстный пунктъ юриспруденціи; или составляетъ проповѣдь, которую долженъ будетъ произнести въ будущее воскресенье... Наконецъ наступаетъ вечеръ: «утомленный исполинъ» можетъ насладиться драгоцѣннымъ моментомъ досуга: онъ разрѣзываетъ книгу; ему надо забыть ужасныя заботы дѣйствительной жизни, ему надо выйти изъ себя, насладиться, утѣшиться, развеселиться и особенно развеселиться; ему нужны не идеи, не факты и особенно не задачи. Онъ хочетъ мечтать о блестящемъ, легкомъ и веселомъ возбужденіи, перенестись въ міръ воображенія. Ему нужно романическій романъ, не очень утомительный, не очень трагическій и не слишкомъ язвительный юморъ. По его мнѣнію, великая миссія романиста заключается въ томъ, чтобы доставлять ему эту освѣжительную отраду.

Теорія «усталаго исполина» торжествовала во все царствованіе королевы Викторіи, почти до трансваальской войны. Теперь романисты и критики не хотятъ болѣе о ней слышать. «Въ настоящее время,—пишетъ Wells,—не думаю, чтобы нашелся одинъ такой писатель, исключая Jakobs, человѣка, довольствующагося разыгрывать просто эту роль увеселителя. Всѣ мы замѣтили, что подобный утомленный читатель, который желаетъ, чтобы его развлекали, далеко не титанъ, истощенный трудомъ, а, напротивъ, бѣдный исполинъ, разслабленный и дряблый, работающій гораздо меньше, чѣмъ онъ. И мы взяли твердое рѣшеніе всевозможнымъ способомъ упражнять верхній ганглій его мозга».

Изъ этого слѣдуетъ, что первый принципъ теоріи Wells: романъ вовсе не легкомысленное чтеніе; онъ долженъ образовать человѣка, заставлять его думать, предлагать самыя важныя задачи, всегда намѣчать болѣе или менѣе серьезную и полезную цѣль. Второй принципъ: романъ такого рода литература, къ которой не долженъ примѣняться никакого рода законъ. Провались всѣ педанты, которые захотѣли бы его регламентировать. Для него открыты всѣ свободы, кромѣ одной: быть пошлымъ и пустымъ. Намъ говорятъ, что онъ не долженъ быть слишкомъ длинный, что онъ долженъ имѣть извѣстное единство, которое не должно теряться въ отступленіи отъ предмета.

Относительно его длины, какъ уже мы упоминали въ началѣ, никто серьезно не отнесся къ этому вопросу. Совсѣмъ другое дѣло повѣсть. Этотъ родъ литературы по самой своей природѣ находится въ подчиненіи точныхъ опредѣленныхъ правилъ. Она должна быть краткая, имѣть простой предметъ и одинъ: избѣгать отклоненій. Эдгардъ По былъ правъ, говоря, чтобы можно было прочитать повѣсть залпомъ, это потому, что она задается цѣлью произвести одно впечатлѣніе, насколько можно живое. Надо, чтобы она тотчасъ же захватила вниманіе читателя, не давала бы ему бросить ее и все болѣе и болѣе тѣсно плѣняла до того момента, когда наконецъ читатель достигаетъ кульминаціоннаго пункта.

Для осуществленія этой программы краткость и единство предмета—необходимые элементы.

Совсѣмъ другую цѣль преслѣдуетъ романъ; онъ можетъ быть «заключительный», т. е. интересъ вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на одномъ лицѣ, могъ бы безпрепятственно разсѣяться на многихъ лицъ и даже на множество совершенно различныхъ интригъ; онъ можетъ образовать какъ бы рисунки изъ интересовъ, разнообразіе въ оттѣнкахъ и дѣйствіяхъ прибавляетъ ему очарованіе. Прежде всего онъ долженъ намъ представить людей изъ тѣла и костей, вполнѣ живыхъ, цѣльныхъ, съ умомъ и душою сложными, и всѣ ихъ изгибы должны быть изучены, вся ихъ физіономія освѣщена, чтобы получилась иллюзія дѣйствительныхъ людей. Въ романѣ насъ заинтересовать должны не приключенія, а сами лично дѣйствующія лица. Требуется много времени, чтобы они проявились всѣ цѣликомъ, а когда начнешь знакомиться съ ними основательно, то такъ заинтересуешься ими, каждымъ ихъ малѣйшимъ словомъ, самымъ незначительнымъ дѣйствіемъ, что всегда сожалѣешь, когда они исчезнутъ. Поэтому хорошій романъ никогда не длиненъ.

«Для меня,—пишетъ Wells,—какъ бы ни были длинны романы Диккенса, признаюсь, что, по-моему, они еще слишкомъ коротки. Мнѣ досадно, что въ другомъ мѣстѣ я не нахожу ихъ дѣйствующихъ лицъ. Я хотѣлъ бы, чтобы Micawber, Dick, Swiveller и Sairey Gamps появились въ другихъ романахъ, такъ же, какъ Шекспиръ озарилъ цѣлую серію пьесъ славнымъ блескомъ своего Фальстафа. «Какая странная страсть ко всѣмъ этимъ трепещущимъ маріонеткамъ, безустанно производящимъ тѣ же безмѣрные монотонные жесты на кончикѣ толстой бѣлой нитки, которую Диккенсъ подергиваетъ... Между тѣмъ совсѣмъ не нужно ихъ долго изучать, чтобы подробно знать всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ. Всѣ эти молодцы одинаковы и очень озабочены, чтобы ихъ узнать съ первой минуты. Среди нихъ есть честные люди со смѣшными привычками и честные люди безъ смѣшныхъ привычекъ, отвратительныя чудовища и затѣмъ нѣсколько индивидуумовъ вполнѣ отвратительныхъ до второго параграфа страницы 478, и которые съ этого самаго мѣста становятся Божьими ангелами».

Послѣ Диккенса романы пытались сокращаться, съ подчиненіемъ характеристики—разсказу и описанія—драмѣ. Теперь все болѣе и болѣе возвращаются къ болѣе свободной и болѣе пространной манерѣ писать романы. Отчасти это англійское движеніе—возвращеніе къ прежнимъ романамъ Tristram Schandy и Tom Jones. Съ одной стороны, они вывезены изъ-за границы и отъ ихъ двойного происхожденія у нихъ двойная натура. Англійскій духъ расположенъ скорѣе къ разнообразію и разсѣянію. Новое французское теченіе увлекаетъ многихъ молодыхъ романистовъ не отвлекаться отъ сюжета. Bennet,—сказалъ Wells,—котораго наши авторы считаютъ за наилучшаго изъ современныхъ англійскихъ романистовъ, придерживался послѣдовательно этихъ двухъ стремленій и далъ два образцовыхъ произведенія. Его чудесныя «Сказки старыхъ женщинъ», свободно прогуливающіяся отъ одного дѣйствующаго лица къ другому, отъ одной сцены къ другой, безъ всякаго сравненія самый прекрасный изъ длинныхъ романовъ, какой когда-либо былъ написанъ по-англійски на англійскій образецъ романистомъ нашего поколѣнія, а Claichanger, первый романъ серіи нѣсколько во

вкусѣ Jean Cristophe, гдѣ очень мало персонажей, будутъ изучены до послѣдней подробности».

Wells восхищается Jean Cristophe, который можно взять за прототипъ новаго рода. Онъ считаетъ его предшественникомъ во французской литературѣ послѣднюю книгу Флобера: «Bouvard et Pécuchet», это веселое и меланхоличное чудо интеллектуальнаго изобилія. Флоберъ, по его словамъ, эмансипировалъ континентальный романъ, но англичане не должны забывать, что у нихъ за одинъ вѣкъ до Флобера романъ былъ вполнѣ освобожденъ отъ всякихъ тисковъ «человѣкомъ, котораго, несмотря ни на каго и противъ всѣхъ, я объявляю и самымъ крупнымъ художникомъ, како го произвела Великобританія во всемъ, что составляетъ существенно романъ,—Laurence Sterne.

Романъ долженъ быть свободенъ: авторъ даже не имѣетъ права ввести свою личность, вмѣшаться среди разсказа, чтобы его комментировать и прямо обратиться къ читателю, чтобы представить ему свои наблюденія или возмутиться или обругать фиктивную личность или реальное учрежденіе. Почти всѣ знаменитые романы, вызывающіе въ насъ восторгъ, такимъ образомъ наполнены личностью автора. Только надо знать когда. Когда эта личность некрасива и вульгарна, когда она грубо выставляется или, напротивъ, когда она подмазывается и наряжается, чтобы злоупотреблять вниманіемъ читателя. Тогда, очевидно, никакого нѣтъ удовольствія въ его вмѣшательствѣ. Таковъ случай Теккерея, отъ котораго приходитъ въ ужасъ Wells, и считаетъ его лицемѣрнымъ и нечестнымъ, лжемыслителемъ, фальшивымъ джентльменомъ, фальшивымъ свѣтскимъ человѣкомъ, который напрасно пробуетъ это представлять намъ, и мы находимъ несноснымъ, лишь только онъ откроетъ ротъ за свой счетъ.

Хочетъ или не хочетъ романистъ, но онъ всегда сильно вліялъ на идеи, на манеру смотрѣть на вещи и на нравственность читателя, даже тотъ, кто не желаетъ о чемъ-либо высказываться и предоставляетъ дѣйствовать самимъ персонажамъ, не высказываясь ни за, ни противъ ихъ. Въ настоящее время вліяніе романиста въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ прежде. Въ нашу эпоху дѣйствительно все поставлено на карту, условія пошатнулись, мнѣнія безпрестанно эволюціонируютъ; все критикуютъ, анализируютъ, каждую вещь просматриваютъ съ дерзкой свободой, которая все нарастаетъ, и въ этомъ случаѣ романисту предстоитъ строить новое общество.

— Неблагодарность за мирную политику нѣмецкаго императора.—Такъ озаглавлена статья анонимнаго автора въ «Deutsche Revue». Авторъ жалуется или, по его словамъ, съ печалью убѣждается, что нѣмецкая публика, даже богатая и культурная, совершенно лишена политическаго чутья. Она неспособна понять правительство и ободрить его, когда оно дѣйствуетъ ради крупныхъ интересовъ страны. Политика реализаціи, ясная, практичная и настолько, очевидно, благотворная, что она не можетъ понравиться ослѣпленной толпѣ: «а какъ рѣдки люди, которые сумѣютъ выдѣляться изъ толпы,—говоритъ авторъ.—Общественное мнѣніе воспріимчиво, сентиментально и капризно, и, чтобы ему понравится, надо обратиться къ его воображенію или къ его слѣпымъ страстямъ. Только два раза въ одномъ и томъ же вѣкѣ нѣмецкое мнѣніе, на мгновеніе открывъ глаза, попало на истинный путь, путь, ука-

занный имъ императорами и государственными людьми, управлявшими страною: въ 1813 году, во время великаго возстанія противъ тираніи Наполеона, и въ 1870 году, во время похода противъ Франціи, результатомъ чего было, кромѣ славнаго франкфуртскаго трактата, объединеніе Германіи подъ скипетромъ Гогенцолерновъ. Но сколько лѣтъ заблужденій и ослѣпленія предшествовали этому внезапному пробужденію національной совѣсти въ 1870 году. Общественное мнѣніе рѣзко сопротивлялось реорганизаціи прусской арміи, этому великому незабвенному благодѣянію престарѣлаго императора Вильгельма. Оно также сопротивлялось вторженію въ датское герцогство, войнѣ противъ Австріи, словомъ, всему, что дѣлало возможнымъ достиженіе политическаго и военнаго тріумфа съ 1870—1871 гг. Когда Вильгельмъ I, Бисмаркъ и Мольтке организовали побѣду и приготовляли объединеніе, они безпрестанно боролись не только противъ слѣпого общественнаго мнѣнія, но и противъ парламента, ожесточенное сопротивленіе котораго не заставило ихъ отступить.

Въ тѣ времена задирчивый шовинизмъ былъ самой искусной политикой, общественное мнѣніе и парламентъ не выказывали рѣшительнаго пацифизма. Теперь Германіи нѣтъ ни малѣйшаго интереса вести войну и было бы особенно глупо рискнуть войной, чтобы помѣшать Франціи имѣть въ Марокко чисто политическое первенство; и вотъ журналисты и депутаты рвутъ и мечутъ, угрожая Франціи и Англіи кулаками, и кричатъ, что нѣмецкая родина обезчещена.

Съ тѣхъ поръ, какъ Франція заняла Алжиръ, она страстно желала протектората надъ Марокко, но отступала отъ соперничества Испаніи и особенно предъ veto Англіи. Гражданскія войны и все нараставшая марокккская анархія подали хорошій предлогъ для вмѣшательства Франціи. Она вступила въ соглашеніе съ Англіей, у которой добилась поддержки, уступивъ ей рыболовство въ Новой Землѣ и право преобразовать временное занятіе Египта въ окончательный протекторатъ. Она заключила секретное соглашеніе съ Испаніей 1905 года, по которому оба государства раздѣляли территоріи Марокко. Очевидно, въ интересахъ Германіи возбудить сначала затрудненія, а затѣмъ продать свое согласіе какъ можно дороже, добившись серьезныхъ экономическихъ выгодъ въ Марокко и территоріальныхъ компенсацій въ другихъ пунктахъ. Если бы можно было обезпечить самыми серьезными гарантіями значительную долю эксплоатаціи, промышленной, торговой и финансовой, завованной страны, какой важный вредъ былъ бы дать французамъ однимъ нести всѣ жертвы людьми и деньгами.

Вотъ что вполнѣ понялъ императоръ, его канцлеръ и его государственный секретарь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Конвенціей 1909 года они еще не вполнѣ успѣли обезпечить Германіи всѣ экономическія выгоды: они этого достигли агадирской демонстраціей и недавнимъ франко-германскимъ договоромъ. Но политика рейхстага и пресса принялись умалять неоспоримый успѣхъ нѣмецкой дипломатіи. Эти горячіе патріоты сдѣлали все, чтобы уменьшить престижъ Германской имперіи въ глазахъ Европы и дать тяжелое впечатлѣніе общаго недовольства, шаткости и угрозы въ будущемъ.